

Танечка и первые танцы

Первая поездка в пионерский лагерь была для меня не просто неожиданной. Это было самое настоящее потрясение!

Ну ладно, отучившись в школе первые годы, я, домашний ребенок, освоился в коллективе, обзавелся товарищами, почувствовал первый кайф от хулиганских проделок. Пионерский лагерь же для меня вообще был чем-то потусторонним, нереальным, за пределами понимания моих только начинавших формироваться мозгов.

Мою шикарную кудрявую шевелюру согласно школьному чину остригли почти на лысо, что называлось «полубокс», и потому вида я был сурового, напоминая Евгения Моргунова в «Самогонщиках», только в соответствующем возрастном периоде.

Обрядив меня в белую рубашку, напялив вечно проблемные с моей круглой попой шорты, мама сложила в большой коричневый чемодан отутюженные вещички, сунула туда же умывальные принадлежности и пакет с барбарисками и печеньем. Сбоку наклеили большую белую наклейку с моим именем и фамилией. Апофеозом стал номер отряда, который мне почему-то сразу понравился номер 3. Не знаю, как это связано с нумерологией моего рождения, но вот легла цифра на душу и все!

Во дворе наших двух двенадцати этажных башен, окруженных коренастыми «хрущевками», которые словно старые курильщики ошетинились трубами угольных кочегарок, находился пустырь. Предполагалось, что это будет стадион предприятия, где работали мои родители, а именно НИИ Тепловых Процессов. Но, видимо, у руководства ракетного института были другие приоритетные задачи, денег хватило только на то, чтобы выровнять и расчистить поле, поставить на него футбольные ворота и имитировать бурную деятельность, выкопав «волчьи ямы» по периметру, якобы для посадки деревьев, навалив огромное количество куч глины с одной стороны и, вершина творения, красного кирпича туалет, который еще в своем недоделанном виде много лет использовался нами, ребятней, для игры «в войну», с использо-

ванием самострелов с гнутыми из проволоки пульками, которую выстреливала резинка, почему-то прозванная в народе «венгерской». По периметру стояло несколько деревянных лавочек, поставленных скорее для того, что бы игравшим на поле командам все же было где-то раздеваться. Несколько раз в неделю, в районе 4-5 часов дня, т.е. после работы, на стадион, а именно так важно назывался этот пустырь, приходили серьезные дядьки с сумками, раздевались до трусов и гоняли мяч, не стесняясь одобживать достаточно пресную игру в футбол совсем не пресными фразеологическими оборотами. Чемпионат НИИ ТП предполагал соревнование между командами отделений. Одни научные работники соревновались с другими. Но где же кураж? А кураж заключался в пари между командами кто проиграл, тот и оплачивает празднование победы!

Иногда, в одной из команд не хватало игроков, и тогда приглашали поиграть кого-нибудь из старших ребят, в избытке чеканящих мяч или гонявших в футбол за линией ворот.

Картину дополняли молодые мамы с колясками, пенсионеры с шахматами и газетками, хулиганы с потертыми картами и малышня, непрестанно жегшая костры в лунках между конусами наваленной земли. Пахло дымом, плавленным свинцом, сигаретами «Ява» и дешевым портвейном.

Как-то очень быстро рядом с пустырем выросла еще одна башня общежитие завода «Кристалл», где гранили алмазы и жили молодые люди из разных городов нашей необъятной родины. Обитатели башни были людьми спортивными гоняли в футбол, играли в волейбол через сетку и, частенько, продолжали культурное времяпрепровождение здесь же, за бутылочкой «Жигулевского». Часто молодые люди образовывали молодые семьи, иногда эти решения пересматривались или оспаривались другими. Понятно, одни семейные, другие тоже хотят!

Не обходилось и без элементов комического футбола, когда во время напряженной игры из подъезда башни выскакивал молодой, не совсем одетый человек, и бежал через футбольное поле с игроками, спотыкаясь и стараясь не растерять ничего из личного

гардероба, прижатого к груди. А вслед за ним, снося двери с петель, вырывался разъяренный монстр с угрожающего вида ножкой от стула, и, фыркая слюной и изрыгая рык, бросался вдогонку.

— Ваня, не убивай его! Я все объясню! — кричала Джульетта с балкона 12 этажа, размазывая слезы по лицу и надсадно голося так, что было слышно всем на этом большом и информационно насыщенном пространстве. Ветер развеивал на ней некое подобие вуали, всклокоченные волосы путались как у Афродиты, вышедшей нагой из прибрежной волны. Нос кнопочкой хлюпал, освобождаясь от соленых брызг, а из-под ограждения балкона выглядывали стоптанные войлочные тапочки на босу ногу.

Арбитр матча даже не счел нужным прервать игру, и пролетающий мяч, едва не задев пробежавших героев любовной истории, подхватывался кем-то из игроков, устремившихся к воротам противника.

Независимо от результатов футбольной баталии, мужики также степенно одевались, и, верные традиции, доставали из своих сумок нехитрую снедь и емкости с напитками, совсем не напоминая шампанское на гонках «Формулы — 1».

Угловой желтый продовольственный магазин был тут же метрах в пятидесяти. Кроме вино-водочных изделий там было все необходимое для организации фуршета.

В свое время я покупал там живых раков и потом смотрел, как они ползают в большой белой ванне, наполненной водой. Сервис был почти европейский.

Кто-то быстро растворялся в начинающихся сумерках, кто-то оставался поспорить и обсудить до полной темноты, но наш пустырь никогда не бывал пустым и одиноким. Даже участковый не отказывал себе в удовольствии посидеть на лавочке во время игры и поспорить с болельщиками о проблемах футбола в России.

Наоборот, он был средоточием жизни района, его лобным местом, поэтому, наверное, его все местные и называли «Стадион»!

— Жень, где тебя искать?

— Да на стадионе! Мы сегодня в «сотенку» там играем!

Других объяснений давать и не надо было. Если что, там всегда люди, всегда помогут хоть кровь из носа остановить, хоть подзатыльник кому отпустить, что б не хулиганили, хоть родителям сообщить, что все в порядке, скорая приехала вовремя, и ребенка с переломом отвезли в ближайшую больницу.

Вот с этого практически легендарного места обычно и уезжал пионерский лагерь «Звездочка».

Колонна автобусов проезжала по асфальтовой дороге вдоль поля и ждала, когда закончится линейка, детей пересчитают и посадят в автобусы. А неугомонные и переживающие родители будут липнуть к окнам, стучать в них пальцами, что-то комментировать.... Точь-в-точь как в зоомагазине перед стеклянным аквариумом с хомячками!

И какая же это прелесть, уехать летом из душной жаркой Москвы! Все ребята разлетаются кто куда на дачу, на юг, к бабушке.... Но больше всего уезжало, конечно же, в лагерь!

Мы все очень любили и любим своих родителей, но вырваться из «оков» их любви хоть на три недели - это манило каким-то своим, неведомым ранее духом - духом свободы и приключений, ребячьей вольницы и авантюризма, духом новых знаний и впечатлений!

Незнакомый пацан, сидевший рядом со мной в автобусе, с курчавым чубом и чумным глазом, прижимал к животу лежавший на коленях пакет.

— Что, в первый раз едешь, спросил он сразу же, лишь водитель закрыл двери.

— Ага, в первый — прогундосил я, поправляя нос, недавно пострадавший в очередном ребячьем приключении.

— Вова! — протянул он мне свою ладонь. В этот момент автобус тронулся с места, нас тряхнуло, и он, быстро отдернув руку, подхватил свой сверток, сваливающийся с коленей.

Вожатая вышла в проход между креслами и начала говорить что-то про пионерский отряд, про дисциплину и правила поведения.

Слышно было плохо, двигатель ЛИАЗа тарахтел, за окном мелькали незнакомые прежде дома, которые сменили промышленные здания. А потом начались деревья, речки, перелески...

— А давайте петь песни! — сказала уставшая от напряженной речи вожатая, понимавшая, что все равно ни чего непонятно и придется повторять, и начала красивым и сильным голосом.

- Трудно было человеку 10000 лет назад....

Да уж! Петь в то время я не умел, не хотел, и даже не думал об этом. Сидящий рядом Вова что-то нашептывал мне на ушко, что есть правила, что надо сначала вожатую угостить своими подарками, что дали родители, что место выбирать лучше у окна.... Его жужжащая речь меня как-то сразу утомила. Разговаривать с ним я не хотел, поэтому отодвинулся и стал подвывать, не попадая в ноты, вожатой и поддерживающим ее девчонкам :«Дай-дай-дай-дай!»

«Поющие гитары», 1968 год! Известное переложение песни Джо Дассена. Много красивых иностранных песен принесла эта группа в российскую эстраду. Один «Карлсон» (группа «Кристи» со словами начинавшего тогда Ильи Резника) чего только стоит!

Песни мне нравились, я расслабился и горланил в свое удовольствие, лишь бы не слушать поучения Вовы. Не беда, что слов я не знал, главное подхватить пару слов или фраз на припеве «Толстый Карлсон!» Чего уж тут запоминать-то?

А там понеслось! «Ветер северный», «Разноцветные кибитки», «Синий иней» или «Але-але-але-Аленушка, гудели в небе провода!» - песни, которых я и не слышал, да и откуда мне кроме приемника радиотрансляционной сети у нас в квартире был только телевизор, но эти песни там транслировали редко.

За суетой, в которую погрузился весь лагерь, я не заметил, как занял место у окна в палате на 14 человек в темном деревянном корпусе у самого забора, за которым начинался лес. Мама с папой не было, поэтому пропала осторожность, но чувство компанейства держало меня в узде, заставляя становиться в общий строй, топтать по дорожкам между вековых елей до столовой и обратно, равняться на подъем и спуск флага на линейке.

Я поддался чувству какой-то новой игры, с ее собственными правилами и законами, с ее дисциплиной и распорядком, с ее постоянным провоцированием делать что-либо самому. Даже не просто делать, а постоянно придумывать и воплощать это в жизнь, будь то костюмы к спектаклю, стихи в стенгазету, частушки к концерту или оформление отрядного уголка. Везде были нужны твои руки, твои ноги, твои мозги, которых к тому времени практически не было. Дышать было некогда все время занято, все кружилось как в калейдоскопе, как в колесе у белки. Ни минуты покоя! Разве только «тихий час» - пренеприятнейшее мероприятие, установленное лагерным регламентом, с его требованием раздеться и лечь в кровать на два часа среди белого дня! Да я дома никогда днем не спал!

Вот скажите, это как, нормально, да? Ты приехал оторваться. В тебе клокочет вулкан, два Чернобыля и маленькая Хиросима, а тебя в койку?

Нет, кто поприличней, те книжки читают. Даже в шахматы разрешали играть.

Помня про маму с папой, я старался вести себя хорошо, дисциплинированно. Вожатая, запомнившая меня по песнопениям в автобусе, предложила меня в флажконосцы, и теперь я каждый день таскал флажок отряда на линейку и с линейки. Было неудобно, но прикольно.

С ребятами и девчонками я перезнакомился, тем более многие были с нашего двора, а некоторые даже со «Второго поста» - района, откуда мы вместе переехали в новый дом на Лихачевке. Была в отряде и моя первая симпатия Танечка, которая жила в двухэтажном доме напротив. Мы были младшие во дворе, поэтому, когда все уходили в школу, мы заваливались к ней в палисад, где буйно росли малина и крыжовник, и играли в «дочки-матери», как ей хотелось. Поскольку она была чуть младше, ее строгая бабушка во двор моего дома, где отец сделал мне настоящий шалаш, который я называл «штаб», не отпускала.

А тут через несколько лет после расставания мы оказались в одном отряде!

Вообще-то, этот рассказ посвящен танцам, и все сказанное выше лишь преамбула, цель которой настроить читателя на атмосферу конца 60-х начала 80-х годов, время, когда прошли наши пионерское детство и комсомольская юность, время пионерских лагерей и дворцов пионеров. Время, когда государству нужны были творцы, бойцы, лидеры, независимо от пола, национальности, достатка в семье и должности родителей на работе. И государство всеми путями добивалось поставленной цели. Это проходило красной нитью через школу, пионерлагерь, профтехучилище, техникум, ВУЗ.

И только идеологические отщепенцы на эстраде позволяли себе переделывать слова зарубежных песен, чтобы мешая их с идеологически выдержанными образцами советской эстрады доносить до ни чего не подозревавшей публики реплики буржуазной культуры. «Синий, синий иней лег на провода...» пели «Поющие гитары», фанатея от буржуазной музыки. И, что бы, не дай Бог, кто чего не подумал, следом пускали «Саласпилс»: «Захлебнулся детский крик и растаял словно эхо...»

Вожатая в отряде объявила, что вечером на веранде будут организован «Огонек» и танцы. Мальчики разобрали теннисный стол, расставили столы и стулья. Девчонки украсили веранду полевыми цветами. Из столовой принесли чайники, кружки, пирог и конфеты. У вожатого старшего отряда попросили магнитофон с записями.

«Почему в 17 лет парню ночью не до сна...» — пели все те же «Поющие гитары».

— А в самом деле, почему? — крутилось в голове.

Пацаны по-разному отреагировали на приглашение принять участие в «Огоньке». Кто рассматривал это просто как еще одну возможность похарчеваться чайком и сладеньким, кто решил проигнорировать, отдав предпочтение возможности погонять мяч на футбольном поле. Были и такие, кто забрался в свои чемоданы и достал все самое лучшее из своего гардеробчика брючки, носочки, рубашечки.

Мне очень хотелось пообщаться с Таней. Прошло уже столько дней, а у меня даже не было времени с ней поговорить. И я решил это сделать на «Огоньке».

Модная в те времена на телевидении передача «Огонек» беспощадно эксплуатировалась всеми, как возможность простым людям приобщиться к хорошей кампании уважаемых людей в сопровождении любимых артистов и национальных героев, к которым в те времена относились космонавты, знатные ткачихи, сталевары, шахтеры, ученые, военные и учителя. Менеджеров, банкиров, брокеров и мерчендайзеров среди них не было.

Меня не интересовали конфеты, зефир и чай из чайника, но когда заиграла музыка, я для себя решил безоговорочно: «Все, иду приглашать Таню на танец».

То, что я ни когда не танцевал и даже не представлял себе как это делать, меня не страшило. Я подошел к столику, где она сидела с девчонками, и пригласил ее на танец.

Вся такая красивая в темном цветастом платье, с распущенными волосами, подобранными лентой, Таня вышла на середину веранды и положила руки мне на плечи.

Я почувствовал, что мой позвоночник сложился, словно домино, и вот сейчас вытечет из брюк на начищенные туфли. Ноги отказывались слушаться, руки деревянными подпорками торчали над полом, едва касаясь негнушимися пальцами тоненькой талии, вокруг которой золотой змейкой вился изящный ремешок из множества сияющих колечек. Мы топтались, соблюдая интервал, уже несколько минут, а я так и не сказал ни слова.

Наконец, я собрался с духом, и заставляя язык двигаться в нужном направлении, выдавил из себя: «Таня...»

В этот момент песня закончилась. Девчонка сняла руки с моих плеч и, не глядя на меня, круто провернулась в моих деревянных объятьях, решительно намереваясь вернуться на свое место. Торчащие, словно отмороженные ветки, пальцы явно ощущали быстрое движение поясницы, тонкую ткань улетающего платья, проскальзывающий металл сияющих колец, но оставались такими же негнушимися и невосприимчивыми.

Одно из последних колечек пояса, словно приговор моей бездарности, почти вырвалось из пальцев, но нечаянно зацепилось за него. Не сумев вырваться оно просто разогнулось, нарушив тем самым общую гармонию ремешка, и разорвало цепь. Колечки попадали на пол, разлетаясь в разные стороны, сияя своей такой недоступной желтизной мягкого металла. Таня заплакала и убежала в палату девочек.

Я рванулся за ней, но тотчас возвратился и, упав на колени, стал ползать по веранде, забираясь под столы и стулья, стараясь собрать разлетевшееся украшение, оказавшееся таким красивым и таким хрупким.

Ребята помогли собрать не укрошенные звенья этого декоративного пояса из мягкого металла. В своей палате за каких-нибудь 10 минут я все привел в первозданное состояние и понес вернуть его владелице.

Девчонки у дверей палаты девочек смотрели на меня как на гоблина, варвара, монстра, отказываясь пропустить. Переданный мною ремешок в руках одной из девчонок проскользнул в небольшую щель в дверном проеме. Заплаканные глаза, распухший нос, растрепанные волосы это все что мне удалось увидеть.

«Огонек» для приличного общества был испорчен. Мною. Подруга детства меня отвергла. Жизнь кончилась. Хотелось пойти и утопиться.

Через несколько минут она все же появилась на веранде в окружении девочек, в том же пояске, туго обхватывающем ее талию. Что бы ответить кому-то из ее сопровождавших подруг, Таня слишком импульсивно обернулась.

Мягкий металл желтого цвета, совсем не похожий на золото, как и в первый раз, совсем не был готов к таким нагрузкам. Не одно, а уже несколько звеньев, с покорностью истинного христианина раскрыли свои кольца, и разлетелись по полу веранды. Слезы, крупные как виноградины, побежали им вдогонку. В больших глазах застыл немой вопрос: «Ну почему опять у меня?»

Зачатки серого вещества в моей стриженной голове, смущенные неловкостью обстановки, ложным чувством вины, разочаро-

ванием первой встречи, стали набухать и пениться. Знание арифметики начальной школы позволили сложить 2 и 2. В итоге я знал ответ на ее вопрос не надо так затягиваться ремешком из мягкого металла, он может и не выдержать!

С того самого вечера девочки потеряли для меня всякий интерес.